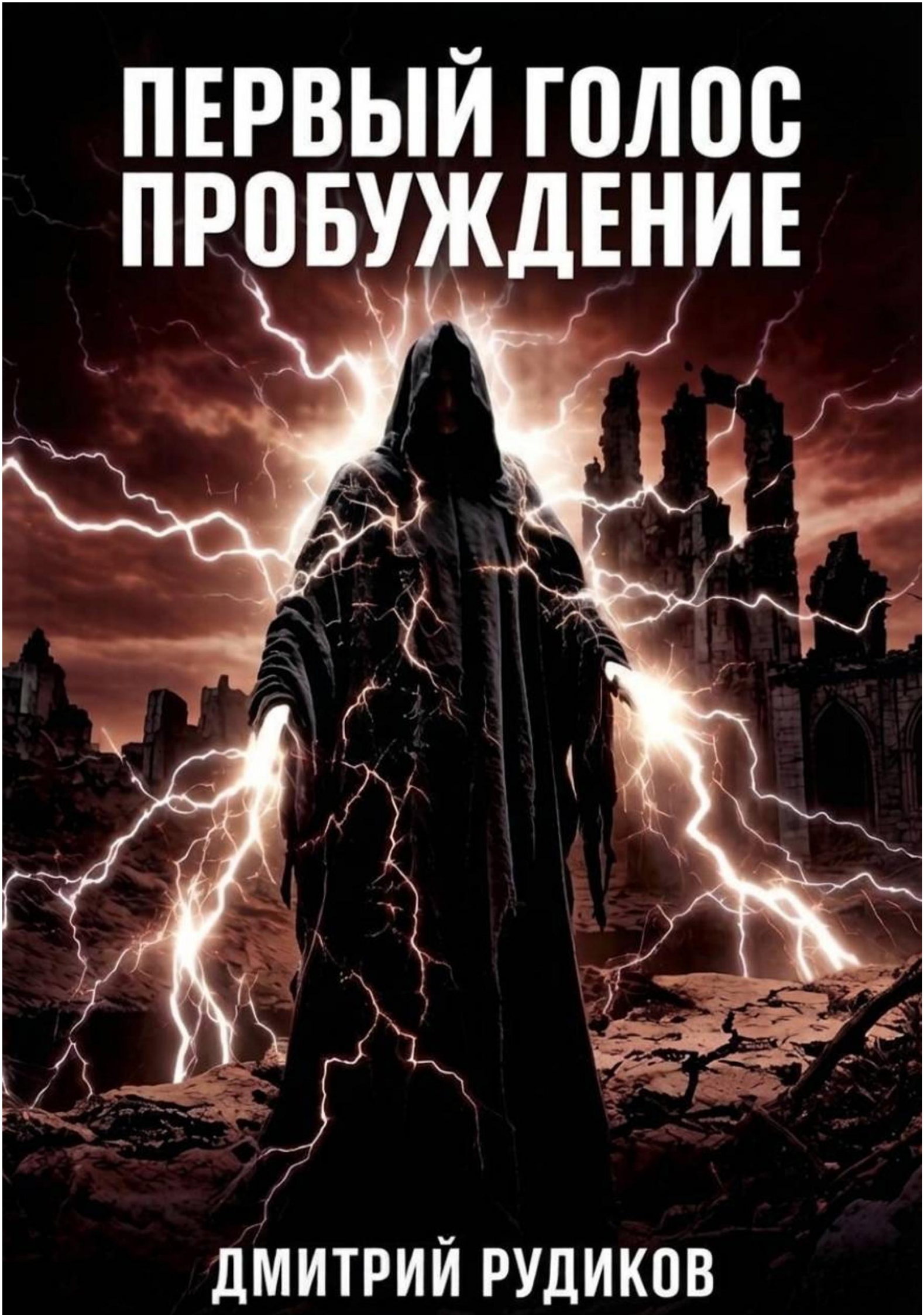
# ПЕРВЫЙ ГОЛОС
# ПРОБУЖДЕНИЕ



ДМИТРИЙ РУДИКОВ

Дмитрий Рудиков

# Первый голос. Пробуждение

«Автор»
2026

**Рудиков Д. В.**

Первый голос. Пробуждение / Д. В. Рудиков — «Автор», 2026

Они думали, что самое страшное позади. Они ошибались.Свержение Первого Голоса оставило мир на краю новой катастрофы. Без единого центра вчерашние союзники готовы вцепиться друг другу в глотки, а по трактам рыщут тысячи чудовищ, ведомых чужой железной волей. Таинственный Черный гребень притягивает стаи выродков, превращая их в топливо для пробуждения древних хозяев Междумирья.Кирилл чувствует, как его собственная сила выходит на пугающий, разрушительный уровень. Теперь у него нет права на ошибку: впереди — Мертвый лес, коварные ловушки и битва, где привычное оружие бесполезно. Объединившись с новыми пришлыми, герои делают шаг в немую пасть бездны. «Первый Голос. Пробуждение» — драматичный финал истории о цене свободы, тяжести выбора и мире, который нужно не просто спасти, а сделать своим домом.

© Рудиков Д. В., 2026
© Автор, 2026

# Содержание

ПРОЛОГ. Тень над Серым Двором 5
Глава первая. Междумирье 7
Глава вторая. Первые 18
Глава третья. Тайна Илара 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

# Дмитрий Рудиков
# Первый голос. Пробуждение

## ПРОЛОГ. Тень над Серым Двором

Над Серым Двором впервые за долгое время взошла луна.

Марина стояла на верхней площадке северной башни и смотрела, как бледный свет ложится на разрушенные стены. Ветер нёс с озера запах сырого камня и прелой листвы. Где-то далеко, за чёрной полосой леса, горели огни Ревельна — крохотные, дрожащие, будто свечи в храме.

Она пришла сюда, потому что не могла спать. Уже год — с того самого дня, когда портал закрылся, а Кирилл не вышел, — она не спала больше двух часов подряд. Тело привыкло к усталости. Сердце — к боли. Разум — к тишине, в которой не было его голоса.

— Ты снова здесь, — сказал Лев, поднимаясь по каменным ступеням. Он скользил бесшумно, как всегда. Длинная прямая тень от его плеч падала на стену. — Я думал, ты спишь.

— Не могу. — Марина не обернулась. — Сегодня он ближе.

Лев подошёл и встал рядом, положив руки на холодный парапет. Он не спросил, кто «он». Знал.

— Насколько ближе?

— Не знаю. — Она закрыла глаза. — Я чувствую его, как чувствуют приближение грозы. Воздух становится плотным. Мысли — тяжёлыми. Иногда мне кажется, что я слышу его дыхание. Но когда я пытаюсь дотянуться — он исчезает.

Лев молчал. Он умел молчать так, что это не давило. Просто был рядом — большой, надёжный, как стена.

— Сколько ты уже ищешь его? — спросил он наконец.

— Год и два месяца.

— И ни разу не сдалась.

— Ни разу.

Лев кивнул. В темноте его лицо казалось высеченным из камня — резкие скулы, тяжёлый подбородок, шрам через бровь, который он получил ещё до перехода. Он был старше Кирилла лет на десять, но выглядел старше на двадцать. Война, потеря товарищей — всё это оставило на нём следы, которые не заживали.

— Если он не вернётся, — сказал Лев тихо, — что ты будешь делать?

Марина открыла глаза.

— Я не думаю об этом.

— А надо бы.

— Зачем?

— Затем, что ты живая. И у тебя есть жизнь. Даже если его нет.

Марина повернулась к нему.

— Ты веришь, что он жив?

Лев выдержал её взгляд.

— Я верил в это, когда мы шли через лес с двадцатью стражниками за спиной. Я верил, когда мы брали Серый Двор. Я верю сейчас. Но я не знаю.

Марина снова отвернулась к городу.

— Глеб пробовал открыть портал. Пять раз. Каждый раз — неудача. Михаил слушал следы. Ничего. София искала в записях Илара. Там написано, что из междумирья можно выйти только через свою дверь. Только сам.

— Значит, он должен найти её сам.
— Да.
Они стояли молча, пока луна не скрылась за облаком. Тогда Марина сказала:
— Я чувствую его. Он близко.
Лев посмотрел на неё.
Она не ушла с башни до рассвета.

# Глава первая. Междумирье

Первое, что Кирилл почувствовал, как пришел в себя, — запах.

Не сырости, не пыли, не гари, которыми пропитался воздух в разрушающейся лаборатории под резиденцией. Не запах крови, которая запеклась на его руках. Не запах бетонной крошки, которая сыпалась с потолка. Запах кофе. Свежего, только что сваренного, с лёгкой горчинкой и тонкой ноткой кардамона, который Марина всегда добавляла в турку. Таким кофе пахло по утрам в их старой квартире — когда они ещё жили вместе, когда Алина была жива, когда слово «семья» ещё что-то значило.

Он открыл глаза.

Потолок был знакомым. Побелка с сероватым оттенком, которую они так и не переделали — Марина всё время говорила, что нужно нанять бригаду, но Кирилл отвечал, что справится сам, и каждый раз откладывал. Трещина в углу, у самого окна, похожая на разветвлённую молнию, — он сам замазывал её года три назад, но сделал это плохо: шпаклёвка легла неровно, и трещина снова проступила через месяц. Марина тогда сказала: «Надо было вызвать мастера». Он ответил: «Я сам справлюсь». Как всегда. Как во всём. Он всегда считал, что справится сам — с ремонтом, с работой, с расследованием, с горем. С дочерью. С женой. С собой.

Кирилл лежал на диване в гостиной своей квартиры.

Свет падал из окна — мягкий, утренний, какой бывает в конце сентября, когда солнце уже не жжёт, а только греет, и воздух кажется прозрачным, как стекло. За окном слышались голоса детей, идущих в школу. Голуби на карнизе перебирали лапами, и от этого звука по стеклу пробегала едва слышная дрожь. Пахло осенью — прелыми листьями, сырой землёй и чем-то ещё, едва уловимым, что невозможно назвать словами, но что безошибочно узнаётся как «дом».

Он сел.

Тело слушалось плохо, будто он долго спал и мышцы успели забыть, как двигаться. В висках пульсировала тупая боль, но она была слабой, почти незаметной — как эхо далёкого грома, который уже отгремел, но ещё живёт в памяти воздуха. Кирилл потёр лицо ладонями. Щетина. Он не брился несколько дней. Или недель. Он уже не помнил. Последние дни перед лабораторией слились в один длинный день, наполненный погонями, допросами, бессонницей. Он не помнил, когда ел. Не помнил, когда спал по-настоящему, а не проваливался в короткие обмороки.

Гостиная выглядела точно так, как и раньше. Старый диван с продавленным сиденьем — они купили его ещё до рождения Алины, и Марина всё время говорила, что пора заменить, но они так и не собрались. Журнальный столик, на котором лежали газеты и пульт от телевизора. Шкаф с книгами, которые он не читал много лет — тома по юриспруденции, криминалистике, несколько детективов, которые он так и не открыл. На стене — фотография Алины в рамке. Ей тринадцать, она стоит на берегу реки и щурится от солнца. Волосы собраны в хвост, на носу — маленькая царапина, которую она получила, катаясь на велосипеде.

Всё было на своих местах.

Слишком на своих местах.

Кирилл поднялся и прошёл на кухню.

Кофе действительно варился. На плите стояла старая турка — та самая, которую Марина привезла от своей бабушки, — и в ней булькала тёмная жидкость. Рядом — чашка. Его чашка, на столе лежал кусок хлеба и масло в открытой маслёнке. Всё было готово к завтраку. Как будто кто-то ждал его.

Он взял турку, налил кофе. Руки двигались сами, как будто знали, что делать. Он сделал глоток.

Вкус был правильным.

Слишком правильным.

Кирилл поставил чашку и посмотрел на часы, висевшие над столом.

Стрелки стояли. Не остановились — просто замерли. Секундная стрелка дрожала, будто пыталась сдвинуться, но не могла. И в этой дрожи было что-то неправильное, как будто время здесь существовало, но отказывалось идти. Кирилл смотрел на неё несколько секунд. Потом перевёл взгляд на окно.

Улица выглядела обычно. Двор, детская площадка, машины, припаркованные вдоль дороги. Женщина с собакой шла по тротуару. Мальчик на велосипеде объезжал лужу. Двое мужчин курили возле подъезда.

Но все они двигались одинаково и как-то плавно.

Как будто их движения повторялись снова и снова.

Кирилл присмотрелся. Женщина с собакой дошла до угла дома, повернула. Через несколько секунд она снова появилась с другой стороны. Мальчик на велосипеде проехал по кругу и вернулся на то же место. Голуби взлетели и сели обратно на карниз. Мужчины возле подъезда затушили сигареты, закурили новые. Всё повторялось.

Цикл. И снова всё повторялось.

Кирилл отошёл от окна.

Внутри поднималось знакомое чувство — холодное, собранное, то самое, которое много лет назад помогало ему на службе замечать ложь, несостыковки, детали, которые не складывались в общую картину. Он снова стал полицейским. Не по должности — по взгляду. По умению видеть то, что другие пропускают. Он вспомнил, как в первые годы работы наставник говорил ему: «Кирилл, мир состоит из деталей. Преступники всегда ошибаются в мелочах. Ты должен видеть мелочи». Он видел. И сейчас видел тоже.

Он подошёл к входной двери.

Дверь была заперта. Замок повернулся легко, как всегда. Кирилл потянул ручку.

За дверью был коридор, длинный, с белыми стенами и тусклыми лампами под потолком. Он уходил вдаль, теряясь в полумраке. Никаких дверей, никаких поворотов. Только бесконечная прямая.

Кирилл сделал шаг. Потом ещё один.

Коридор не заканчивался. Он шёл по нему минуту, две. Стены оставались одинаковыми. Лампы мерцали с равными интервалами. Пол был гладким и холодным. Он остановился.

— Зачем? — произнёс он вслух.

Голос прозвучал глухо, будто его поглотили стены.

Кирилл повернулся и пошёл обратно.

Дверь его квартиры была на месте. Он вошёл и закрыл её за собой.

В гостиной ничего не изменилось. Кофе на столе остыл. Фотография Алины была на прежнем месте. Часы по-прежнему не шли.

Кирилл сел на диван.

Он не знал, где находится. Не знал, как здесь оказался. Последнее, что он помнил, — пустоту, телефонную будку, голос Марины в трубке. А потом — темнота.

И вот теперь — квартира.

Он сидел и смотрел на фотографию дочери.

Алина улыбалась.

Он помнил тот день. Они поехали на реку, потому что Марина устала от городской суеты. Алина весь день бегала по берегу, собирала камни и бросала их в воду, пытаясь попасть в одну и ту же точку. У неё не получалось, но она не сдавалась. Кирилл сидел на покрывале и смотрел на неё. Марина рядом читала книгу. Тогда ему казалось, что это обычный день. Один

из многих. Что будут ещё сотни таких дней. Что время — это река, которая течёт медленно и никогда не заканчивается.

Он ошибался.

Кирилл закрыл глаза.

— Где я? — прошептал он.

Ответа не было.

Телефон зазвонил.

Звук был резким, неожиданным. Он раздался откуда-то из прихожей — пронзительный, настойчивый, как сигнал тревоги. Кирилл поднялся и пошёл на звук.

На тумбе, где обычно лежали ключи и почта, стоял телефон. Старый, с дисковым набором. Такой он видел только в детстве, у бабушки — тяжёлый чёрный аппарат с металлическим диском и витым шнуром. Он стоял на тумбе, будто всегда там был.

Телефон звонил.

Кирилл снял трубку.

— Алло?

Сначала — тишина. Потом — шорох, будто кто-то тёрся о микрофон. Затем — голос.

Его собственный голос.

— Ты не должен был сюда попасть.

Кирилл замер.

— Кто это?

— Ты знаешь.

Голос был его. Но интонации — чужие. Холодные, ровные, будто человек на другом конце провода давно перестал чувствовать. Будто он смотрел на мир через толстое стекло и не мог до него дотронуться.

— Где я?

— Там, где ты хотел оказаться.

— Я хотел вернуться домой.

— Это и есть дом.

Кирилл посмотрел на телефонную трубку в своей руке.

— Это не дом.

— Тогда почему ты здесь?

Он не ответил.

Голос продолжил:

— Ты всегда возвращаешься сюда. В мыслях. Во снах. В чувстве вины. Ты думаешь, что если бы остался, если бы не ушёл, если бы не поехал в тот переулок, всё было бы иначе.

— Замолчи.

— Но ты не можешь изменить прошлое. И не можешь убежать от него.

Кирилл сжал трубку.

— Кто ты?

— Я — то, что ты оставил здесь. Я — часть тебя, которая не смогла уйти. Я — голос, который ты слышишь каждую ночь, когда просыпаешься от того, что не успел.

Телефон замолчал.

Потом снова раздался голос, но на этот раз он был другим. Более живым, взволнованным. Женским.

— Кирилл? Кирилл, ты меня слышишь?

Марина.

Он узнал её сразу.

— Марина? Где ты?

— Послушай меня. Ты должен вернуться, найти выход. Это междумирье, оно создаёт то, что ты помнишь, но это не реально. Ты должен найти дверь.

— Какую дверь?

— Настоящую. Ту, которая ведёт наружу.

Связь начала прерываться. Голос Марины распадался на отдельные слова, будто ветер разрывал его на части.

— Не верь... что увидишь... найди... дверь...

— Марина!

Но телефон уже молчал.

Кирилл опустил трубку.

Он стоял в прихожей своей квартиры. За окном снова играли дети. Женщина с собакой прошла по кругу. Мальчик на велосипеде вернулся на то же место. Мужчины возле подъезда закурили новые сигареты.

Всё повторялось.

Но теперь он знал: это не реальность.

И где-то здесь была дверь.

Кирилл начал искать.

Он открыл все шкафы, проверил каждую комнату, заглянул под кровать и за диван. Ничего. Квартира оставалась той же — знакомой, родной, но чужой. Он проверил кухню, ванную, кладовку. Везде было чисто и аккуратно, как будто кто-то специально подготовил это место к его приходу.

Он вернулся в гостиную и остановился перед стеной с фотографией.

Он смотрел на неё долго и вдруг краем глаза заметил в углу комнаты дверь, которой здесь раньше не было.

Маленькая, деревянная, с облупившейся краской. Она была вмурована в стену, как будто всегда там была, но Кирилл её не замечал. Он коснулся ручки, но не открыл её. Пока не открыл.

Сначала нужно было понять, что происходит.

Кирилл вернулся на диван и сел.

Он смотрел на фотографию Алины в своей руке.

Она улыбалась.

И он понял: чтобы найти настоящую дверь, ему придётся встретиться с тем, что он потерял.

Кирилл боялся.

Боялся, что за дверью — пустота. Или что там его ждёт правда, которую он не готов принять.

Он сидел и смотрел на фотографию.

Алина улыбалась.

Он вспомнил, как она говорила: «Пап, ты же полицейский. Ты обязан знать правду». Она всегда верила, что он найдёт ответы. Что он справится. Что он сильный.

Он не был сильным. Он просто умел прятать слабость.

Кирилл встал.

Он больше не мог ждать и подошел к стене. Дверь была на месте. Кирилл открыл её и шагнул вперёд.

Он оказался в спальне.

Знакомой. Той самой, где когда-то жила Алина. Кровать с розовым покрывалом, которое она сама выбрала в магазине — Кирилл тогда сказал, что розовый слишком яркий, но она ответила, что это её комната и она может выбрать любой цвет. Шкаф с наклейками на дверцах

— бабочки, цветы, какие-то смешные рожицы, которые она рисовала сама. Плакаты на стенах — музыкальные группы, о которых он ничего не знал. На столе — книги, тетради, стакан с карандашами. На подоконнике — кактус, который она забывала поливать, но который всё равно выжил.

Она сидела на кровати.

Поджав ноги, с книгой в руках. Ту самую, которую читала в тринадцать лет — про путешествия и приключения. Волосы собраны в хвост. На носу — маленькая царапина.

Алина.

Она подняла голову и улыбнулась.

— Пап, ты чего так долго?

Кирилл стоял в дверях.

Он знал, что это не реальность. Знал, что междумирье создаёт образы из его памяти. Знал, что она не настоящая.

Но ноги не двигались.

— Пап?

Она отложила книгу и встала.

— Ты какой-то странный. Что случилось?

Ей было бы сейчас двадцать два года. Взрослая. Но здесь она выглядела так, как в его памяти — тринадцатилетней девочкой с книгой и царапиной на носу.

— Ничего, — сказал он. — Просто... задумался.

Алина подошла и обняла его.

Она была тёплой. Настоящей. Он чувствовал её дыхание, запах шампуня, лёгкое прикосновение волос к щеке. Она пахла так, как пахла всегда — чем-то сладким, цветочным, совсем детским.

— Ты голодный? — спросила она. — Я могу сделать бутерброды.

— Алина...

— Что?

Он хотел сказать: «Ты не настоящая». Хотел объяснить, что это ловушка, что он должен найти дверь и уйти. Но слова не шли.

Она смотрела на него своими глазами — серыми, как у матери, с лёгкой хитринкой.

— Пап, ты чего?

— Ничего, — сказал он. — Давай бутерброды.

Они пошли на кухню.

Алина болтала без умолку. Рассказывала про школу, про подругу, которая поссорилась с родителями, про контрольную по математике, которую она почти провалила. Кирилл слушал и не мог отвести от неё глаз.

Он знал, что это ложь. Но это была ложь, которую он хотел слышать.

Они сидели за столом, ели бутерброды, и Алина смеялась над его шуткой — старой, глупой, которую он рассказывал ей сотни раз.

— Пап, ты всегда рассказываешь одно и то же, — сказала она.

— Потому что это хорошая шутка.

— Она ужасная.

— Но ты смеёшься.

— Потому что ты мой папа.

Кирилл отвёл взгляд.

Он вспомнил, как она говорила это раньше. «Потому что ты мой папа». Она говорила так, когда он возвращался с работы поздно, когда приносил ей подарки, когда просто был рядом.

— Пап?

Он поднял голову.

— Ты плачешь?

Кирилл коснулся щеки. Пальцы были мокрыми.

— Нет, — сказал он. — Просто... соринка.

Алина не поверила. Она взяла его за руку.

— Пап, ты можешь мне рассказать. Что бы ни случилось.

Он смотрел на неё.

— Алина, — сказал он. — Я должен тебе кое-что сказать.

— Что?

— Я...

Кирилл замолчал.

Как сказать дочери, что она мертва? Что этот мир — ложь? Что он не смог её спасти?

Он не мог.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Алина улыбнулась.

— Я знаю.

Она обняла его.

— Я тоже тебя люблю.

Кирилл закрыл глаза.

Он остался.

Дни шли или то, что здесь считалось днями: часы не работали, свет за окном не менялся, но Кирилл чувствовал, как проходит время. Они жили вместе.

Алина готовила завтрак, читала книги, иногда просто стояла у окна — но двор всегда был одинаковым, и люди в нём двигались по кругу. Кирилл старался не смотреть на них.

Он знал, что должен найти дверь. Знал, что Марина ждёт его, что друзья ищут способ вернуть его.

Но каждый раз, когда он думал об уходе, Алина оказывалась рядом. Улыбалась. Брала за руку. Говорила что-то, что заставляло его остаться.

— Пап, давай посмотрим фильм.

— Пап, расскажи, как вы с мамой познакомились.

— Пап, я так скучала.

Он оставался.

Иногда, когда Алина спала, Кирилл выходил в гостиную и смотрел на входную дверь, но боялся открыть её ещё раз. Боялся, что Алина исчезнет.

Боялся, что за дверью уже не пустота.

Однажды он заметил странность.

Алина сидела на кровати и читала книгу. Ту же самую. Он видел эту сцену раньше — в первый день, когда нашёл её.

— Алина?

Она подняла голову.

— Да, пап?

— Что ты читаешь?

Она посмотрела на книгу.

— Не знаю. Кажется, я её уже читала.

Кирилл подошёл ближе.

— Что там написано?

Алина открыла книгу.

Страницы были пустыми.

Она смотрела на них несколько секунд, потом улыбнулась.

— Наверное, я забыла.

Кирилл почувствовал холод.

— Алина, — сказал он. — Ты помнишь, что было вчера?

Она задумалась.

— Вчера?

— Да.

— Мы... ели бутерброды?

— Это было в первый день. Что было вчера?

Алина молчала.

Её лицо оставалось спокойным, но в глазах появилось что-то — непонимание, растерянность.

— Я не помню, — сказала она.

Кирилл присел рядом.

— Алина, послушай меня.

— Что?

— Ты знаешь, где мы?

Она посмотрела на него.

— Дома.

— Нет. Это не дом.

— Пап, ты меня пугаешь.

— Это место — не реальность. Ты — не реальность.

Алина отшатнулась.

— Что ты говоришь?

— Ты умерла, Алина.

Он сказал это.

Слова прозвучали тяжело, как приговор.

Алина смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Нет, — прошептала она. — Нет, я здесь. Я живая.

— Ты — воспоминание. Я хочу, чтобы ты была настоящей. Но тебя нет.

— Пап...

— Прости меня.

Алина заплакала.

Кирилл обнял её.

Он чувствовал, как дрожит её тело. Как слёзы капают на его рубашку. Как она цепляется за него, будто он мог её спасти.

Но он не мог.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — прошептала она.

— Я знаю.

— Не оставляй меня.

— Я должен.

— Почему?

Он посмотрел на неё.

— Потому что там, снаружи, меня ждут люди, которым я нужен. И потому что ты — не она. Ты — моя память о ней. А память должна оставаться в прошлом.

Алина отстранилась.

Она вытерла слёзы.

— Ты найдёшь дверь?

— Да.

— И уйдёшь?

— Да.

Алина встала.

Она подошла к нему. Медленно, будто каждый шаг давался ей с трудом.

Кирилл не отводил глаз.

— Ты — не она.

— Знаю.

— Но ты — всё, что у меня осталось.

Алина улыбнулась.

— Нет. У тебя осталось многое. Просто ты не хочешь этого видеть.

Она взяла его за руку.

— Пап, послушай меня.

— Я слушаю.

— Ты не виноват.

Кирилл хотел возразить, но она продолжила:

— Ты не виноват, что я умерла. Ты не мог меня спасти. Ты не знал, что они придут. Ты не мог быть везде одновременно.

— Я должен был...

— Нет. Ты сделал всё, что мог. Ты приехал, держал меня за руку, говорил, что всё будет хорошо. Я слышала тебя. Я не была одна.

Кирилл закрыл глаза.

— Я не успел.

— Успел. Ты был рядом. Это самое важное.

Она отпустила его руку.

Потом улыбнулась — грустно, но по-настоящему.

— Теперь иди.

Кирилл смотрел на неё.

— Ты не сердишься?

— Нет. Ты же должен жить.

— Я всегда буду с тобой. Даже если меня нет.

Кирилл посмотрел на Алину в последний раз. Он не мог говорить, просто шел в прихожую к выходу.

Она стояла посреди комнаты и улыбалась.

— Я люблю тебя, пап.

— Я тоже тебя люблю.

Кирилл открыл дверь спальни, шагнул вперёд и дверь закрылась.

Квартира изменилась.

Каждая комната была одинаковой — голые стены, белое окно, тишина. Ни мебели, ни вещей, ни следов жизни. Только эхо его шагов, которое возвращалось с опозданием, будто стены не сразу понимали, что звук уже прозвучал. Кирилл прошёл в спальню — та была такой же пустой. В ванную — белая плитка, белый свет, ничего больше.

Он вернулся в гостиную.

Кирилл не знал, что искать. Но он чувствовал, что здесь что-то есть. Что-то важное. Что-то, что это место хотело от него скрыть.

Он остановился в центре комнаты.

На стене висела всё та же фотография Алины. Она стояла на берегу реки и улыбалась.

Кирилл перевернул фотографию.

На обороте было написано его почерком:

«Моя упрямая девочка».

Он сжал снимок в руке.

— Ты всё ещё держишься за неё.

Голос раздался из ниоткуда.

Кирилл обернулся.

В комнате стоял человек.

Он был похож на Кирилла — те же черты лица, тот же рост, та же осанка. Но глаза были другими. Пустыми. Холодными. Такими, какими Кирилл видел их в зеркале после смерти Алины. Тогда он неделями не мог смотреть на себя — потому что видел не человека, а пустую оболочку, которая двигалась, говорила, работала, но ничего не чувствовала.

— Кто ты?

— Я — ты. Точнее, та часть тебя, которая не хочет уходить.

Кирилл смотрел на него.

— Ты — междумирье?

— Нет. Я — твоё отражение. То, что ты прячешь от себя.

Отражение подошло ближе. Оно двигалось так же, как Кирилл — те же жесты, та же походка. Но в движениях было что-то механическое, будто кукла, которая выучила повадки человека, но не понимает их смысла.

— Ты думаешь, что борешься с этим местом. Но на самом деле ты борешься с собой. Междумирье не удерживает тебя. Ты сам себя удерживаешь.

— Зачем?

— Потому что боишься.

— Чего?

— Жить.

Кирилл молчал.

— Ты потерял дочь, разрушил брак, убил человека. Ты бросил свою жизнь ради мести. А потом попал в другой мир, где снова начал терять. Ты думаешь, что не заслуживаешь счастья. Что если ты будешь счастлив, то предашь тех, кого потерял.

— Это не так.

— Тогда почему ты здесь?

Кирилл не ответил.

Отражение улыбнулось.

— Ты знаешь ответ.

Оно подняло руку.

В стене появилась дверь, узкая и низкая, почти незаметная.

— Вот она. Настоящая дверь. Ты можешь открыть её прямо сейчас. Но сначала должен ответить на вопрос.

— Какой?

— Зачем ты хочешь вернуться?

Кирилл посмотрел на дверь.

Он думал о Марине. О Льве, Софии, Глебе. О Михаиле. Обо всех, кто ждал его.

Но также думал об Алине. О том, что оставил её.

— Я хочу вернуться, — сказал он, — потому что там моя жизнь. Не прошлая. Настоящая. И потому что я нужен тем, кто остался.

— А Алина?

— Она мертва. Я не могу её вернуть. Но я могу жить так, чтобы её смерть не была напрасной.

Отражение смотрело на него.

— Ты действительно веришь в это?

— Да.

— Тогда делай свой выбор.

Кирилл протянул руку и открыл дверь.

За ней был свет.

Он шагнул вперёд, свет стал ярче. Ещё один шаг и свет заполнил всё вокруг.

Переход ударил по телу физической болью. В ушах взорвался оглушительный треск, словно рвалась ткань мироздания. В нос ударил резкий запах озона, мокрого камня и озерной тины — густой, настоящий воздух, от которого легкие, отвыкшие от гравитации, свело спазмом. Он зажмурился, чувствуя, как по верхней губе и подбородку стекает теплая струйка крови.

Свет погас.

Кирилл упал на колени, ударившись о влажный, покрытый мхом камень. Боль была честной и режущей. Подняв голову, он увидел мрачную арку входа в Серый Двор и низкое, свинцовое небо.

Прямо перед ним стояла Марина.

Она изменилась. Похудела, осунулась, под глазами залегли тени. Волосы были собраны в небрежный хвост, на щеке — тонкий шрам, которого раньше не было. Но глаза были те же — тёплые и живые.

Их взгляды встретились.

Кирилл попытался встать, но ноги подкосились. Тогда она сама сорвалась с места, врезалась в него всем телом и вцепилась в куртку с такой силой, что затрещали швы. Он обхватил её, вдыхая дикий, настоящий запах — порох, земля и её кожа.

— Я знала, что ты вернёшься, — прошептала она.

Он просто прижал её к себе, чувствуя, как бешено колотится её сердце.

Рядом стояли Лев, София и Глеб.

Лев выглядел так же — спокойный, собранный. Но в его глазах было что-то, чего Кирилл раньше не замечал. Облегчение. И что-то ещё — тень усталости, которая появляется у людей, слишком долго ждавших.

София улыбалась. Глеб стоял рядом с ней, держал за руку. Они оба выглядели старше, чем он помнил.

— Мы ждали тебя год, — сказал Лев.

— Год, — повторила Марина. — Ты исчез год назад. Мы думали, ты погиб.

— Для меня прошло несколько дней.

— Междумирье искажает время, — сказала София. — Мы предполагали, что это возможно. Илар писал об этом.

Кирилл вдохнул свежий, холодный воздух.

— Что произошло после того, как я исчез? Что с Коалицией?

Лев ответил:

— Она распалась. После исчезновения Орлова и падения Серого Двора его сторонники потеряли власть. Города восстанавливаются. Пришлые больше не скрываются.

— Это хорошо.

— Да. Но остались вопросы.

— Какие?

Лев остановился.

Он посмотрел на Кирилла.

— Откуда появились способности? Почему пришлые начали попадать в этот мир? Первый Голос не создал переходы. Но кто создал их?

Кирилл нахмурился.

— Ты что-то нашёл?

Лев кивнул.

— Записи Илара. Но погоди, все разговоры и планы подождут — сейчас тебе нужно просто выдохнуть, поесть и поспать, а о делах поговорим на свежую голову.

# Глава вторая. Первые

В своём мире его звали Роман.

Роман Аркадьевич Вербицкий. Тридцать шесть лет. Историк. Кандидат наук. Автор двух монографий по культуре северных народов и десятка статей, которые никто не читал, кроме узкого круга таких же одержимых.

Он ехал домой в тот вечер, потому что мать попросила привезти лекарства. Она жила в пригороде, в маленькой квартире, которую получила ещё при Союзе. Роман навещал её каждую неделю — по субботам. Но в тот день она позвонила раньше и сказала, что давление подскочило, таблетки закончились, а до аптеки дойти не может.

Он поехал. Не потому, что был хорошим сыном. Просто потому, что не умел отказывать. Особенно матери.

Дождь начался на выезде из города. Осенний, холодный, мелкий, как пыль, висящая в воздухе. Такой дождь шёл в его родном городе неделями, превращая улицы в серые реки. Он включил дворники. По радио играла старая песня, которую он не любил, но не переключал, потому что руки лежали на руле.

Потом встречная машина ослепила его фарами.

Дальше — провал.

Он открыл глаза и увидел небо. Глубокое, синее, как на старых картинах. Такое небо бывает только во снах, когда разум рисует мир, которого никогда не существовало.

Роман лежал на земле. Тело ныло, в боку кололо, голова кружилась. Он поднялся на локоть, потом на колено, потом встал.

Вокруг расстилалось поле. Трава высокая, серебристая, колыхалась под ветром волнами, как море. Вдалеке темнел лес. Деревья поднимались к небу, кроны терялись в дымке.

Пахло травами. Горькими, сладкими, незнакомыми. Пахло дымом — далёким, едва уловимым, землёй — влажной и холодной.

Роман стоял и смотрел.

Он был историком. Изучал древние тексты, забытые языки, следы исчезнувших цивилизаций. Он привык к вопросам без ответов. Привык к тому, что мир больше, чем кажется.

Но сейчас перед ним лежал факт. Не вопрос. Факт.

Он находился в чужом мире.

Первые часы он просто шёл. Куда — не знал. Ноги несли вперёд, разум пытался понять, что произошло.

Он не помнил перехода. Не помнил вспышки света. Не помнил голоса. Только дождь, трассу, музыку по радио.

Может, он умер? Может, это загробный мир? Может, он сошёл с ума?

Роман не паниковал. Паника бесполезна, она не отвечает на вопросы, не помогает выжить.

Через какое-то время он вышел к ручью. Вода была чистая, как стекло. Он опустился на колени и напился. Холодная, сладковатая вода, такой он никогда не пробовал.

Солнце садилось. Небо менялось — от синего к розовому, от розового к оранжевому, от оранжевого к багровому. Роман сел на берегу и закрыл глаза.

Он остался здесь.

Первую ночь он провёл под деревом. Не спал. Смотрел на звёзды.

Звёзды другие. Совсем не те созвездия, которые он знал с детства. Луна больше, ближе, от неё исходит странный зеленоватый свет.

Роман думал о матери. О том, что она будет волноваться. Он так и не доехал к ней и не позвонил вечером. Просто исчез.

Думал о работе, о незаконченной статье. О книгах, которые остались на столе.

Он думал о себе. Кто он теперь? Человек без имени. Без прошлого. Без будущего.

Утром он начал новую жизнь.

Первый месяц был самым трудным.

Он начал подрабатывать. В деревне у леса всегда находилась работа для крепких рук: наколоть дров, принести воды, помочь с уборкой урожая, починить покосившийся забор. Платили мало — медяками, иногда едой, иногда старой одеждой. Роман брался за всё. Копил монеты в глиняной кружке, которую выменял у торговца. Через месяц он нанял двух мужиков из деревни, и они вместе поставили ему хижину на краю — маленькую, кривую, с земляным полом и крышей из соломы. Не дом, но убежище. Место, где можно было спать, не боясь дождя.

В деревне был старик — торговец, который привозил товары из города. У него были книги. Старые, потрёпанные, с пожелтевшими страницами. Роман покупал их за монеты, которые зарабатывал, помогая крестьянам.

Он читал всё. Историю. Легенды. Сказки. Религиозные тексты. Записи путешественников.

И в этих книгах начал находить упоминания.

О переходах. О людях, которые появлялись из ниоткуда. О существах, которые были здесь до появления людей.

Месяца через три Роман понял: своё имя придётся оставить.

Не потому, что оно плохое. Просто оно выдавало его. Каждый раз, когда он называл себя — на рынке, в деревне, у колодца, — люди оборачивались. Смотрели. Запоминали. Слишком чужое и заметное. Слишком отличающееся от местных имён, которые звучали мягче.

Он начал искать замену.

Перебирал звуки. Пробовал на вкус. Мысленно примерял к себе. Арн. Тарн. Ларс. Илар. Илар.

Короткое. Твёрдое. С двумя гласными, которые местные произносили без запинки. Оно не значило ничего — ни в его языке, ни в языке местных. Просто имя. Просто звук. Но в нём было что-то, что подходило ему. Может, твёрдость. Может, закрытость. Может, тишина, которая стояла за ним.

Он повторил его несколько раз. Илар. Илар. Илар.

С этого дня он называл себя так — с местными.

Первое время было странно. Он слышал новое имя и не сразу понимал, что обращаются к нему. Привыкал медленно. Как к новой одежде — сначала жмёт, потом садится по фигуре.

Но постепенно он стал Иларом для всех, кто его окружал. Не потому, что забыл прошлое. Потому что прошлое осталось там, за гранью. А здесь был только он — человек без истории, без родни, с именем, которое не тянуло его назад.

Иногда, ночью, когда никто не слышал, он всё равно называл себя Романом. Тихо, шёпотом, будто проверял, что тот человек ещё жив. Но с каждым днём это случалось всё реже.

Способность проявилась на четвёртый месяц.

Илар возвращался из деревни поздно ночью. Он шёл по лесной тропе, когда из тени вышли двое.

— Кошелёк.

Илар остановился.

Перед ним стояли двое мужчин. Один — высокий, с ножом. Второй — коренастый, с дубиной. Обычные разбойники. Таких в этих краях хватало.

— Я не ношу с собой деньги, — сказал Илар.

— Тогда сумку.

— Там только книги.

— Тогда отдай книги.

Высокий шагнул вперёд.

Илар не был бойцом. Никогда не был. В своём мире он не дрался — просто не попадал в ситуации, где это требовалось. Здесь он тоже старался избегать драк.

Но бежать было некуда. Тропа — узкая. Лес — густой. Двое перед ним.

Он почувствовал страх. Холодный, собранный. Такой страх, который не мешает думать, а помогает.

И что-то внутри него отозвалось.

Сначала — тепло в груди. Потом — давление в голове и странное ощущение, будто он разделяется. Будто часть его отделяется от тела и становится чем-то другим.

Разбойники замерли.

Илар не понял, что произошло. Он стоял на месте. Но перед ним, в шаге, стоял он сам. Другой он. Тот же плащ. Та же сумка. То же лицо.

Копия двинулась.

Она шагнула к высокому, перехватила его руку с ножом и вывернула. Раздался хруст. Разбойник закричал. Коренастый замахнулся дубиной — копия уклонилась, ударила его в грудь, потом в лицо.

Оба побежали.

Копия стояла на месте. Потом обернулась к Илару.

Он смотрел на неё. На себя. На собственное отражение, которое двигалось, дышало, смотрело.

— Что... — прошептал он.

Копия не ответила. Она стояла молча. Ждала.

Илар протянул руку. Коснулся её плеча. Тёплое. Живое. Настоящее.

Через несколько секунд копия начала расплываться. Края поплыли, будто отражение в воде, в которую бросили камень. Потом она исчезла.

Илар остался один на тропе.

Он стоял ещё несколько минут. Сердце колотилось. Руки дрожали.

Он понял: это его способность. Дар, который он получил после перехода.

Он не спал всю ночь. Думал.

Первые дни он учился вызывать двойника.

Это оказалось трудно.

Способность не подчинялась ему. Она появлялась сама — когда он пугался, когда злился, когда чувствовал угрозу. Но стоило ему попытаться вызвать её сознательно, как ничего не происходило.

Он пробовал разные способы.

Сосредотачивался. Закрывал глаза. Представлял, как стоит перед собой. Ничего.

Пытался злиться. Вспоминал разбойников. Вспоминал нож. Двойник появлялся — но исчезал через секунду, слабый, полупрозрачный, будто недоделанный.

Пытался бояться. Вспоминал переулок. Вспоминал, как стоял у стены. Двойник появлялся — сильнее, чётче, но всё равно недолго.

Он понял: способность связана с эмоциями. С сильными эмоциями. Со страхом, гневом, отчаянием. Чем сильнее чувство — тем сильнее двойник.

Но это было не всё.

Однажды он сидел за столом и читал. Спокойно. Тихо. Никаких эмоций. Просто читал.

И вдруг понял: он может вызвать двойника.

Не через страх или гнев, а через желание. Через простое, спокойное «я хочу, чтобы он появился».

Двойник возник перед ним.

Он был чётким, плотным, живым. Он стоял и смотрел на Илара так, как смотрит человек, который знает, что его создали.

— Ты меня слышишь? — спросил Илар.

Двойник кивнул.

— Ты можешь говорить?

— Да, — сказал двойник. Голос был его. Тот же тембр, та же интонация.

Илар смотрел на него.

— Ты — я?

— Я — часть тебя. — Двойник говорил спокойно. — Я знаю всё, что знаешь ты. Помню всё, что помнишь ты. Но я — не ты. Я — то, что ты хотел бы делать, но не можешь.

— Что это значит?

— Ты боишься драться. Я не боюсь. Ты боишься говорить прямо. Я не боюсь. Ты хочешь спрятаться. Я хочу действовать.

Илар молчал.

— Ты создал меня, — продолжил двойник. — Потому что тебе нужен кто-то, кто сделает то, на что ты сам не решаешься.

— Это опасно.

— Возможно. Но полезно.

Илар задумался.

— Сколько ты можешь жить?

— Несколько часов. Если не тратить силы. Если тратить — меньше.

— Ты можешь умереть?

— Я не живой. Я просто исчезаю, когда заканчивается энергия.

— Ты боишься исчезнуть?

Двойник задумался.

— Нет. Я знаю, что исчезну. Это не страшно. Страшно, когда не знаешь, зачем существуешь.

С этого дня Илар начал использовать двойника.

Сначала — для мелочей. Отправить его на рынок, когда сам не хотел выходить. Попросить его проверить, нет ли слежки. Заставить его говорить с людьми, которых Илар избегал.

Двойник выполнял задания точно. Не спорил. Не уставал. Не задавал вопросов. Он просто делал то, что ему говорили.

Илар встретил Орлова на рынке в Кайре.

Большой город. Шумный. Торговцы выкрикивали цены. Дети бегали между рядами. Где-то играла музыка — странная, незнакомая, красивая. Где-то пахло жареным мясом, специями, свежим хлебом.

Илар пробирался сквозь толпу, когда увидел его.

Человек стоял у прилавка с тканями. Высокий. Широкоплечий. Одет в дорогой камзол, кожаные сапоги, плащ с серебряной застёжкой. Он смотрел на людей так, как смотрят хозяева.

Илар остановился. Он узнал этот взгляд. Так смотрят люди, которые привыкли, что их слушают.

Он подошёл.

— Ты не отсюда.

Человек обернулся. Лет сорока. Коротко стриженые волосы. Гладко выбритое лицо. Глаза серые, как камень.

— Ты тоже, — сказал он.

— Да.

— Как давно?

— Почти полгода.

— Я совсем недавно, около двух месяцев.

Они стояли молча. Потом человек улыбнулся.

— Константин.

Илар помедлил. Всего секунду.

С местными он был Иларом. Но этот человек был своим. Из того же мира. Из той же жизни. Перед ним не нужно было прятаться.

— Роман, — сказал он.

Константин чуть приподнял бровь.

— Роман, — повторил он, будто пробуя имя на вкус. — А здесь?

— Здесь меня зовут Илар.

Константин усмехнулся.

— Умно. Я тоже думал взять другое имя, но решил, что не буду прятаться.

— Это не попытка спрятаться. Это способ слиться с местными.

— Возможно. — Константин пожал плечами. — Но я не люблю притворяться.

Они пожали руки. Так началось то, что позже назовут Коалицией.

Они разговорились в харчевне. Маленькой, уютной, спрятанной в переулке. Здесь подавали вино — тёмное, терпкое, с лёгкой горчинкой — и мясо, запечённое с травами.

Орлов говорил много. О своём мире. О бизнесе, деньгах, власти. О том, что у него было всё — и что он потерял это в один момент.

— Я не собираюсь сидеть сложа руки, — сказал он. — Я не собираюсь ждать. Я не собираюсь сдаваться.

— Что ты хочешь делать?

— Строить.

— Что?

— Новый мир.

Илар смотрел на него.

— Это звучит слишком громко.

— Это звучит честно.

Орлов наклонился вперёд.

— Посмотри вокруг. Этот мир умирает. Города воюют друг с другом. Разбойники грабят дороги. Люди голодают. Здесь нужен порядок.

— И ты хочешь его установить?

— Да.

— Почему ты?

— Потому что больше некому.

Илар молчал. Он не верил в героев. Но видел: Орлов не притворяется. Он действительно верил в то, что говорит.

— А ты? — спросил Орлов.

— Что я?

— Что ты хочешь?

— Я хочу правду. Хочу понять, почему я здесь. Узнать, что за мир меня окружает.

Орлов улыбнулся.

— Хорошо. Тогда мы будем искать её вместе.

Роман остался Иларом для местных. Для Орлова — Романом. Но постепенно он замечал, что даже с Орловым всё чаще называет себя Иларом. Дело было не в желании скрыться — имя просто приросло к нему, стало его частью.

Он больше не был Романом.

Он был Иларом.

Они начали работать вместе.

Сначала — просто разговаривали. Обменивались знаниями. Илар рассказывал о древних книгах, о символах, о легендах. Орлов — о прежней жизни, о власти, о том, как управлять людьми.

Потом — начали искать.

Они ездили по городам. Разговаривали с людьми. Собирали информацию. Искали упоминания о переходах, о таких же пришлых и о тех, кто жил здесь до нынешних обитателей.

Илар вёл записи. Орлов строил планы.

— Мы можем найти пришлых. Тех, у кого есть способности. Мы можем собрать их. Мы можем создать организацию.

— Зачем?

— Чтобы защитить их. Дать им цель. Построить порядок.

Илар сомневался, но чувствовал правоту собеседника. Пришлые были одни. Они не знали, что делать. Они нуждались в помощи.

Илар наблюдал за тем, как быстро Орлов обрастает связями, влиятельными знакомыми и деньгами в этом мире, и прекрасно понимал истинную причину столь стремительного успеха. Хоть они и не спешили раскрывать друг другу карты, природа силы Орлова была очевидна: он умел незаметно вкрадываться в чужие мысли, подчиняя людей своей воле и делая из них послушных марионеток. Впрочем, этот ментальный поводок действовал далеко не на каждого. Время от времени во время обычного разговора Илар отчетливо ощущал, как чужое, липкое присутствие пытается осторожно проникнуть в его собственное сознание и прощупать границы разума. С легким, почти ленивым усилием Илар выставлял глухой внутренний блок, на корню пресекая эти попытки. Орлов моментально чувствовал этот невидимый барьер, но оставался безупречно хладнокровным, делая вид, будто ничего не произошло, и лишь в его взгляде на мгновение проскальзывала холодная расчетливая настороженность.

Серый Двор стоял на холме над долиной.

Илар увидел его издалека — тёмную громаду камня, поднимающуюся над лесом. Три башни, длинные крылья, высокая стена. Крепость выглядела старой, как сам мир. Камни помнили то, что забыли даже легенды.

— Вот оно, — сказал Орлов.

Они стояли на дороге, ведущей к воротам. За спиной оставались долгие дни пути и сотни разговоров. Впереди — крепость, которая должна была стать их домом.

— Ты уверен, что нас пустят? — спросил Илар.

— Пустят, — ответил Орлов. — Я договорился.

Илар посмотрел на него.

— С кем?

— С комендантом. Его зовут Дарн. Он недоволен нынешним правителем. Говорит, что тот слаб, что он не может защитить крепость от разбойников, что он тратит деньги на пиры, пока солдаты голодают.

— И ты обещал ему что-то?

— Я обещал ему порядок.

Илар молчал.

Он уже знал, что означает это слово в устах Орлова.

Ворота открылись.

Их встретили двое стражников — усталых, в потрёпанных доспехах. Они провели гостей через двор, мимо казарм, кузницы и конюшен. Всё выглядело запущенным: стены в трещинах, крыши протекали, во дворе грязь по колено.

— Правитель здесь давно? — спросил Илар.

— Лорд Харт? — Стражник сплюнул. — Три года. И за три года он не сделал ничего. Только пирует и спит.

— Почему его не свергнут?

— Потому что он сын прежнего лорда. А прежний был хорошим правителем. Люди помнят его. И терпят сына.

Илар кивнул.

Он понял: здесь всё держится на памяти прошлого и на имени.

Орлов это тоже понял.

Их привели в большой зал.

Лорд Харт сидел на троне — грубом, деревянном, обитом выцветшим бархатом. Он был молодым — лет двадцати пяти — и выглядел так, будто не спал несколько дней. Под глазами тёмные круги, руки дрожат, на губах — вино.

— Кто вы? — спросил он.

— Меня зовут Константин, — ответил Орлов. — Это мой спутник, Илар. Мы пришли предложить вам помощь.

— Помощь? — лорд Харт усмехнулся. — Какая помощь может быть от бродяг?

— Мы не бродяги. Мы — люди, которые знают, как управлять крепостью.

— Управлять? — хозяин замка откинулся на спинку трона. — И что вы хотите взамен?

— Ничего. Пока.

Харт посмотрел на него.

— Ты странный человек, Константин.

— Я знаю. — Орлов шагнул вперёд.

— Ваша крепость разваливается. Стены не чинились годами. Солдаты не получают жалованья. Разбойники грабят деревни, которые платят вам дань. Люди уходят. Через год здесь останутся только крысы.

Харт побледнел.

— Ты не имеешь права...

— Я имею право говорить правду. — Орлов говорил спокойно. — И я имею право предложить решение.

— Какое?

— Позвольте мне помочь. Я наведу порядок. Я защищу деревни. А вы будете продолжать сидеть на троне и пировать. Вам не придётся ничего делать.

Лорд Харт молчал и смотрел на Орлова так, как смотрит человек, который впервые за долгое время слышит что-то разумное.

— Ты хочешь стать моим советником?

— Да.

— И ты не потребуешь ничего взамен?

— Ничего. Пока.

Харт думал.

Потом кивнул.

— Хорошо. Попробуй.

Орлов начал работать в тот же день.

Он собрал солдат. Раздал им жалованье из собственных запасов. Приказал починить стены. Организовал патрули. Отправил отряды против разбойников.

Через месяц крепость изменилась.

Стены были залатаны. Двор вычищен. Кузница работала день и ночь. Солдаты получили новую одежду и оружие. Деревни, которые платили дань, вздохнули с облегчением.

Люди начали говорить об Орлове.

— Он знает, что делает.

— Он строгий, но справедливый.

— Он лучше лорда Харта.

Илар наблюдал за этим.

Он видел, как Орлов говорит с людьми. Как он убеждает. Как он заставляет поверить. Как он находит слабость в каждом и использует её.

Он использовал свою способность.

Не всегда. Не грубо. Он не ломал людей. Он просто... направлял. Находил страх, сомнение, вину. И усиливал их — так, чтобы человек делал то, что нужно.

Илар видел это.

И молчал.

Через месяц Орлов стал фактическим правителем Серого Двора.

Лорд Харт всё ещё сидел на троне и пировал. Всё ещё назывался правителем. Но все решения принимал Орлов. Все приказы отдавал Орлов. Все знали, кто здесь настоящий хозяин.

Илар спросил его однажды:

— Зачем тебе это?

— Что?

— Власть. Зачем ты её взял?

Орлов посмотрел на него.

— Потому что если не я, то кто-то другой. А другой может оказаться хуже.

Орлов начал искать пришлых.

Он разослал людей по городам. Приказал им искать тех, кто появлялся из ниоткуда. Тех, кто выглядел потерянным и странным.

Он платил за информацию.

Он платил за людей.

Через несколько недель в Сером Дворе набрался десяток пришлых. Орлов говорил с ними, убеждал и вдохновлял. Он умел говорить. Он умел заставить людей поверить в него.

Илар помогал. Учил их контролировать способности. Рассказывал о местном укладе. Давал знания.

Они строили новый мир.

А потом появились гончие.

Илар замер, глядя на существ, которые медленно выбирались из тени каменных арок. Одного их вида было достаточно, чтобы вызвать леденящий страх или удушливое отвращение: массивные, неестественно сгорбленные тела, удлиненные конечности и хищная, рваная поступь делали их похожими скорее на чудовищных псов, если вообще можно было подобрать

хоть какую-то земную аналогию. Даже самые закаленные и смелые стражники, повидавшие немало крови, невольно пятились назад, сжимая оружие дрожащими руками.

Орлов подошёл ближе к краю галереи и посмотрел вниз, словно любовался безупречно выстроенным строем.

— Это мои, — произнёс он негромко.

Илар не сразу нашел в себе силы оторвать взгляд от неподвижных чудовищ. В воздухе двора висела тяжелая, противоестественная тишина — твари не скулили, не рычали и, казалось, даже не дышали.

— Что это за создания? — наконец выдавил Илар.

— Гончие.

— Кто они были до того, как стали этим?

— Пришлые, — ответил Орлов ровным, почти будничным тоном. — Те, кто попытался пройти между мирами, но застрял на полпути. Пространство переломало их тела, а пустота выжгла рассудок.

Илар посмотрел на Орлова, пытаясь разглядеть в его лице хоть тень сомнения или сожаления, но наткнулся лишь на холодную уверенность.

— Ты говоришь о них так, будто это сломанные вещи, а не живые люди.

— Людьми они перестали быть задолго до нашей встречи, — отрезал Орлов. — Я нашел их в глухих лесах и горных расщелинах. Они блуждали во тьме, терзаемые болью и голодом, не помня ни своих имен, ни своего дома. Они потеряли всё, Илар. А я дал им покой и новую цель.

— Цель? — голос Илара дрогнул от сдерживаемого гнева. — Ты превратил изувеченных беглецов в цепных псов. Они не просто подчиняются тебе — в их глазах вообще ничего не осталось.

— Потому что в них больше нет страха, сомнений и слабости, — Первый Голос слегка наклонил голову, наблюдая за реакцией собеседника. — Их воля была разрушена, и я заполнил эту пустоту своей. Они понимают не слова — они принимают приказы напрямую. Без споров. Без колебаний.

— Ты считаешь это спасением?

— Я считаю это порядком. Сила, которой не управляют, несет только хаос. Теперь эта сила служит мне.

Илар снова посмотрел вниз, во внутренний двор. Твари продолжали стоять недвижимыми серыми изваяниями, ожидая малейшего мысленного импульса своего хозяина. Стражники у стен всё так же жались к камням, боясь сделать лишний вдох.

Но его ужаснуло другое. Вглядевшись в их очертания и тяжелые, безжизненные морды, он с леденящей ясностью осознал: перед ним не рожденные во тьме монстры, а люди, искаженные и переломанные до полной неузнаваемости. В их глазах зияла абсолютная, пугающая пустота. Неведомая сила безжалостно выжгла в них все человеческое — отняла прежнюю жизнь, память, волю и само сознание. Они были лишь пустой плотью, и Орлов хладнокровно воспользовался этой пустотой. Он подчинил сломленные оболочки своей воле, превратив их в идеальное послушное оружие ради некой ведомой только ему цели.

Илар хотел возразить. Хотел сказать, что подчинение чужого искалеченного разума — это не спасение, а окончательное уничтожение человека. Хотел потребовать, чтобы Орлов прекратил собирать армию из живых призраков.

Слова застряли в горле. Глядя на спокойное, сосредоточенное лицо Орлова, он понял: человек, стоящий рядом с ним, переступил черту, из-за которой уже не возвращаются.

С этого дня гончие стали частью Серого Двора.

Они жили в подземельях. Выходили только по приказу. Охотились на тех, кого указывал Орлов. Служили ему так, как не мог служить ни один человек.

Илар видел их каждый день.

И каждый день он думал: это начало конца.

Постепенно что-то менялось.

Илар начал замечать это. Сначала — мелочи. Орлов стал чаще говорить о власти. О порядке. О том, что мир нуждается в сильном правителе. О том, что он может стать этим правителем.

Потом — серьёзнее.

Со временем Илар стал с тревогой подмечать, что Орлов пускает в ход свой ментальный дар всё чаще, превращая тонкое внушение в привычный и безжалостный инструмент для подавления любой строптивости. Первый открытый конфликт вспыхнул прямо в караульном помещении Серого Двора, когда один из старших стражников — широкоплечий, упрямый ветеран с тяжелым взглядом — отказался выполнять сомнительный приказ без письменного распоряжения командования. Вместо долгих пререканий Орлов лишь шагнул вперед и вперил в воина тяжелый, немигающий взор; воздух словно загустел, и Илар физически ощутил ледяную волну давления, буквально вдавливающего чужую волю в пол. Глаза стражника остекленели, жилы на шее вздулись, и крепкий мужчина, не в силах сопротивляться ломающему его сознание импульсу, опустился на колени, безропотно и хрипло соглашаясь на всё. Илар резко встал между ними, перерубая мысленную нить своей защитой и требуя от Орлова прекратить насилие, на что тот лишь холодно усмехнулся, бросив, что непокорность в их положении — непозволительная роскошь, а сломать одного упрямца куда дешевле, чем потерять контроль над всем гарнизоном.

Илар вспомнил свою способность. Двойник. Он тоже использовал её, чтобы делать то, что сам не мог. Он тоже направлял — только не людей, а себя.

Он понимал, что они похожи. Оба получили силу после перехода. Оба использовали её. Оба делали то, что считали правильным.

Но была разница.

Илар использовал двойника, чтобы защищаться. Орлов использовал свою силу, чтобы подчинять.

— Ты не должен этого делать, — сказал Илар.

— Почему?

— Потому что это неправильно.

— Это эффективно.

— Это неправильно.

Орлов посмотрел на него.

— Ты слишком мягкий. Ты думаешь, что мир можно изменить добротой. Но мир меняется силой. И я — та сила, которая нужна этому миру.

Илар понимал: спорить бесполезно. Орлов не слушал. Он был уверен в своей правоте. Считал, что делает добро. Что он — спаситель.

Илар знал таких людей. Они никогда не останавливались.

Это случилось постепенно.

Илар не заметил, когда именно Орлов перестал быть просто Константином. Когда он перестал быть советником. Когда он перестал быть правителем. Когда он стал чем-то другим.

Может, это произошло в тот день, когда лорд Харт умер.

Он умер тихо. Во сне. Никто не удивился — он пил слишком много, ел слишком много, спал слишком мало. Лекари сказали: сердце не выдержало. Люди сказали: он давно был не жилец.

Илар не поверил.

Он видел, как Орлов говорил с лордом за день до смерти. Видел, как Харт побледнел, как задрожали его руки, как он согласился на что-то, чего не хотел.

После смерти Харта Орлов стал правителем Серого Двора.

Не официально — официально он всё ещё был советником. Но все знали, кто здесь хозяин. Все знали, к кому идти с просьбами. Все знали, чьи приказы выполнять.

Орлов начал менять крепость, заменяя старую стражу на новых людей — тех, кого выбрал сам и заранее подчинил своей воле.

Он начал перестраивать Серый Двор: залатал стены, возвел новые башни и казармы. Он тратил деньги, которых не было, но деньги появлялись — откуда-то, откуда Илар не знал.

Он начал говорить о порядке.

Не о том порядке, о котором говорил раньше. О другом. Жёстком. Абсолютном. Таком, где не было места сомнениям.

— Этот мир умирает, — говорил он. — Он гниёт изнутри. Его разъедают войны, голод, болезни. Его разъедают пришлые — чужаки, которые появляются из ниоткуда и приносят хаос.

Илар слышал это.

Он стоял в зале, среди людей, и слушал, как Орлов говорит.

— Пришлые — угроза. Они не принадлежат этому миру. Они не знают его законов. Они не уважают его обычаев. Они приносят с собой силу, которую не понимают, и страх, который разрушает всё вокруг.

Толпа молчала.

— Мы должны защитить себя. Мы должны защитить этот мир. Мы должны найти всех пришлых и взять их под контроль. Тех, кто согласится служить, — принять. Тех, кто откажется, — уничтожить.

Илар видел, как люди слушают. Как они кивают и верят ему.

Он видел, как Орлов использует свою способность.

Не грубо. Не явно. Он просто говорил — и его слова находили отклик. Находили страх, сомнение и ненависть к чужакам.

Он направлял их.

И они шли.

Через месяц Орлов перестал называть себя Константином.

Он назвал себя Первым Голосом.

— Я — первый, кто говорит от имени этого мира, — сказал он. — Я — первый, кто защищает его от угрозы. Я — первый, кто ведёт его к порядку.

Илар смотрел на Орлова и не узнавал его.

Это был тот же человек. Те же черты лица. Тот же голос. Та же осанка. Но что-то изменилось. Что-то внутри. Что-то, что делало его другим.

Он больше не был Константином.

Он был Первым Голосом.

Сначала подчинились пришлые.

Те, кто жил в Сером Дворе, кого Орлов собрал за несколько месяцев. Те, кто считал его своим лидером.

Они присягнули ему.

Не потому, что хотели. Потому что он заставил их. Он нашёл слабость в каждом — страх, сомнение, вину — и усилил её. Он сделал так, чтобы они не могли отказаться.

Илар видел это.

Он видел, как люди становятся пустыми. Как их глаза теряют блеск. Как их движения становятся механическими. Как они выполняют приказы без вопросов.

Он видел, как Орлов ломает людей. И молчал.

Тех, кто не подчинился, убили.

Не сразу. Сначала Орлов пытался убедить их. Потом — заставить. Потом — сломать.

Когда ничего не получалось, он приказывал убить.

Орлов начал охоту на пришлых. Он объявил их угрозой.

— Они разрушают этот мир, — говорил он. — Они приносят хаос. Они должны быть остановлены.

Люди верили.

Они не знали, что Орлов сам был пришлым. Они не знали, что он использовал их страх для собственной власти. Они не знали ничего.

Они просто слушали Первый Голос.

И шли убивать.

Илар стоял на стене Серого Двора и смотрел, как отряды уходят в ночь. Как они ищут пришлых. Как они приводят их в крепость. Как Орлов говорит с ними. Как он ломает их.

Он видел всё.

И ничего не делал.

Он знал, что должен что-то сделать. Должен остановить это. Должен сказать что-то.

Но он не мог.

Он боялся.

Не Орлова. Не смерти. Себя.

Он боялся, что если начнёт бороться, то станет таким же. Что он тоже начнёт использовать свою силу для власти. Что он тоже начнёт ломать людей.

Он боялся, что станет Орловым.

И поэтому молчал.

Однажды он увидел, как Орлов говорит с пришлым.

Молодой парень. Лет двадцати. Он мог управлять огнём и был напуган. Не понимал, где находится. Не понимал, что происходит.

Орлов говорил с ним.

— Ты должен служить мне.

— Я не хочу.

— Ты будешь.

— Нет.

Орлов поднял руку.

Илар видел, как парень бледнеет. Как его глаза становятся пустыми. Как он падает на колени.

— Хорошо, — сказал он. — Я буду служить.

Орлов улыбнулся.

В ту ночь Илар принял решение.

С него хватит. Он больше не будет смотреть, как Орлов ломает людей. Не будет молчать, когда убивают невиновных. Соберёт свои записи, книги и карты. И уйдёт.

Он найдёт способ остановить Орлова.

Не сейчас. Потом. Когда будет готов. Когда найдёт ответы. Когда поймёт, как бороться с тем, кто может подчинять разумы.

На следующее утро он начал собирать вещи.

Он не слышал шагов. Только почувствовал, как похолодел воздух у самого выхода. Орлов был уже там. Ни свиты, ни оружия. Просто темный силуэт на фоне светлеющего неба. Он не двигался, лишь провожал взглядом каждую книгу, которую Илар прятал в сумку. Это безмолвное ожидание давило сильнее любого крика.

— Ты уходишь. Почему?

— Ты знаешь. Ты изменился, Константин. Ты стал тем, кем обещал не быть.

— Я не менялся, — ответил Орлов. — Я просто перестал притворяться.

— Ты подчиняешь людей. Ты ломаешь их разумы. Ты убиваешь тех, кто не согласен.

— Я защищаю этот мир.

— Ты защищаешь свою власть.

— Это одно и то же.

Илар покачал головой.

— Нет. Это не одно и то же.

Орлов шагнул ближе.

— Я строю порядок. Настоящий порядок. Не тот, о котором мечтают идеалисты вроде тебя. Жёсткий. Сильный. Такой, который выживет.

— Такой, который уничтожит всё, что было.

— Всё, что было, уже уничтожено. Войнами. Голодом. Болезнями. Я лишь собираю то, что осталось.

Илар смотрел на него.

— Ты не собираешь. Ты забираешь.

Их взгляды встретились.

— Ты уйдёшь. Я не буду тебя держать.

Илар удивился.

— Не будешь?

— Нет. Ты мне больше не нужен.

— Ты меня отпускаешь?

— Я тебя не держу, — сказал Орлов. — Ты сам себя держал всё это время. Ты оставался, потому что верил, что сможешь меня изменить. Но ты не смог. И теперь уходишь.

Илар молча отвернул взгляд.

Орлов шагнул ещё ближе.

— Но я предупреждаю тебя, Роман.

Он назвал его настоящим именем. Впервые за год. От этого Илар невольно вздрогнул.

— Ты пожалеешь об этом, — продолжил Орлов. — Ты уйдёшь. Спрячешься. Будешь жить тихо. Но однажды ты поймёшь, что был неправ.

— Я не буду жалеть.

— Будешь. Потому что мир, который я строю, — единственный, который может выжить. А ты — просто ещё один идеалист, который верит в правду, которой никто не замечает.

Илар смотрел на него.

— Может быть. Но я не стану тем, кем стал ты.

— Ты уже стал.

— Нет.

— Ты создал двойника. Ты используешь его. Ты делаешь то же, что делаю я, только в меньших масштабах.

Илар замер.

Он не думал об этом. Не замечал. Но Орлов был прав. Двойник был его инструментом. Его оружием. Его способом избегать того, чего он боялся.

— Уходи. Живи тихо. Но помни: однажды ты придёшь ко мне. Или кто-то придёт вместо тебя. И тогда всё, что ты пытался сохранить, будет разрушено.

Илар смотрел на него.

— Ты не всесилен.

— Пока нет. Но буду.

Он отвернулся.

— Иди.

Илар пошёл к выходу.

Он поселился в Ревельне. Небольшой город на юге. Тихий. Спокойный. Никто не знал, кто он. Никто не задавал вопросов.

Он продолжил исследования.

Но слова Орлова не выходили у него из головы.

«Ты делаешь то же, что делаю я, только в меньших масштабах.»

Он думал об этом каждый день.

Он смотрел на двойника и видел себя. Своё отражение. Свою тень. То, чем он стал.

И он боялся.

Не Орлова. Не гончих. Не смерти.

Себя.

Илар жил тихо.

Он не выходил из дома без необходимости. Не говорил с незнакомцами. Не привлекал внимания. Он был тенью — незаметной, безмолвной, никому не нужной.

Орлов не приходил.

Илар не знал почему. Может, забыл. Может, посчитал неопасным. Может, был занят чем-то более важным. А может, просто не считал нужным.

Прошел год.

Первый Голос строил Коалицию. Подчинял города. Собирал пришлых. Создавал армию. На рынках о Первом Голосе говорили с придыханием. Илар ловил эти обрывки фраз вместе с запахами дыма и жареного мяса, вглядываясь в лица. Он видел, как благоговение в глазах людей мгновенно сменяется первобытным страхом, стоит лишь слову прозвучать чуть громче обычного.

Он не вмешивался. Он ждал.

# Глава третья. Тайна Илара

Друзья прибыли в Ревельн через три дня.

Дорога была долгой, но Кирилл не замечал времени. Он смотрел на проплывающие мимо леса и поля, на деревни, на людей в их обычной жизни. Женщины стирали бельё в деревянных кадках. Мужчины чинили крыши. Дети играли на дорогах, не обращая внимания на проезжающие повозки.

Мир восстанавливался.

Марина сидела рядом. Иногда она брала его за руку, и он чувствовал её тепло.

Это было настоящее.

В Ревельне их встретил Михаил.

Казалось, за этот год кто-то украл у него десять лет жизни. Глубокие тени залегли под глазами, у уголков рта залегли жесткие складки, а плечи ссутулились под невидимой тяжестью. Но когда Михаил увидел Кирилла, эта маска смертельной усталости на мгновение треснула. Он шагнул вперед и крепко обхватил его руками.

— Живой, — выдохнул он куда-то в куртку Кирилла.

— Живой, — эхом отозвался тот, чувствуя, как спазмом сводит горло. Слишком долго он не слышал этого простого подтверждения.

Михаил отстранился, но не отпустил плечи Кирилла, словно всё еще не веря своим глазам. Его взгляд метнулся к Марине, задержался на шраме на её щеке, затем скользнул по Льву, Софии и Глебу. Улыбка медленно угасла, уступая место привычной тревоге.

— Идёмте, — хрипло сказал он, наконец разжимая хватку. — Есть разговор.

Ревельн изменился за год, и эти перемены били по глазам. Там, где раньше чернели остовы сгоревших зданий, теперь стояли свежие срубы. Там, где раньше патрули Коалиции проверяли документы у каждого встречного, дети гоняли палку по брусчатке. Но Кирилл смотрел на это возрождение отстраненно.

Он чувствовал надежду. И это чувство пугало его почти так же сильно, как отчаяние.

Дом Илара стоял на прежнем месте, в конце тихой улицы. Он был мертв. После исчезновения хозяина здесь никто не жил — Михаил просто сохранил ключи и раз в неделю приходил стирать пыль.

Внутри пахло старой бумагой, остывшим чаем и запустением. На столе высились стопки книг, небрежно развернутые карты и пустые чернильницы. В углу темнел массивный сундук, который Илар всегда держал запертым.

Михаил подошел к нему. Замок щелкнул с сухим, казенным звуком.

— Я нашел это, когда разбирал его бумаги, — Михаил откинул тяжелую крышку. — Он хранил здесь всё.

Внутри, переложенные чистыми листами, лежали десятки тетрадей. Кожаная обложка одной из них, толстой и потрепанной, была выжжена тем самым символом, который Кирилл видел в храме и на стенах лаборатории Орлова.

Михаил бережно, словно святыню, извлек её и протянул Кириллу.

— Это его дневник. Он вел его с самого первого дня.

Кирилл взял тетрадь. Она оказалась неожиданно тяжелой. Пальцы сразу ощутили шероховатость пожелтевшего пергамента. Он открыл первую страницу. Чернила местами выцвели, но мелкий, убористый почерк читался легко:

«Я оказался в этом мире. Не помню, как. Не помню, зачем.»

Кирилл пролистал несколько страниц.

«Нашёл книгу.

Она лежала в подвале старого храма, среди руин, которые никто не трогал сотни лет. Кожаный переплёт, почерневший от времени.

Я читал её три дня.

Она написана на языке, которого нет ни в одном известном мне источнике. Но я смог понять отдельные слова. Символы. Знаки.

Древние существовали до появления людей. До появления городов. До появления всего, что мы знаем.

Они были здесь первыми.

Они создали этот мир — не из ничего, а из хаоса. Они придали ему форму, дали ему законы, сделали его пригодным для жизни.

Но они не были творцами.

Они были паразитами. Они питались энергией миров, высасывая жизнь. (Здесь почерк Илара становится нервным, буквы пляшут). Я пишу это, и у меня стынет кровь. Мы для них — просто скот. Каждый переход — это дойка. Они не открывают двери, они ставят ловушки».

Кирилл оторвался от тетради.

Он чувствовал, как холодеют пальцы, смотрел на страницу, но видел не буквы, а картину. Мир, который умирает. Небо, которое темнеет. Землю, которая трескается. Людей, которые исчезают. Древних, которые просыпаются.

Они сидели в доме Илара до глубокой ночи.

Свечи горели на столе, отбрасывая дрожащие тени на стены. За окном шумел дождь — первый за много дней, — и его ровный шум создавал ощущение убежища, островка тепла посреди холодного мира. Марина сидела рядом с Кириллом, держа его за руку. София и Глеб изучали записи, склонившись над тетрадями так близко, что почти касались головами. Лев стоял у окна, всматриваясь в темноту, — привычка, от которой он не мог избавиться даже здесь, в мирном городе.

Михаил рассказывал.

— Илар вёл эти записи несколько лет. Он пытался понять, откуда появились переходы. Сначала он думал, что это природное явление — что-то вроде разрывов в ткани реальности, которые возникают случайно. Но потом нашёл упоминания о древних.

— Кто они? — спросил Кирилл.

— Существа, что были здесь до появления людей. — Михаил провёл ладонью по одной из тетрадей, будто касался чего-то священного. — Они обладали способностью изменять реальность, создали переходы между мирами, чтобы питаться энергией других миров.

— Питаться?

— Да. Каждый раз, когда человек переходит из одного мира в другой, выделяется энергия. Древние собирают её. Они живут за счёт этого.

Кирилл нахмурился. Он вспомнил слова Орлова — о том, что пришлые — это ресурс. О том, что он использует их способности для собственной власти. Теперь он понял: Орлов не был первооткрывателем.

— Значит, пришлые — это просто ресурс?

— Для Древних — да, — кивнул Михаил. — Но Илар считал, что механизм работает грубее. Они не выбирают каждого лично, они просто создали воронку. А способности... представь человека, через которого пропустили разряд молнии. Он либо сгорит, либо — если выживет — сам начнет искрить. Мы — те, кто не сгорел.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.